

В. И. МАЖУГА

О ТЕХНИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАТИНСКОГО ПИСЬМА (конец VIII—XI в.). I

Настоящее исследование техники латинского письма раннего средневековья предпринято с той целью, чтобы в дальнейшем раскрыть взаимосвязь стилистического своеобразия письма конца VIII—XI в. и применявшихся тогда способов начертания букв; тем самым оно должно способствовать более точному определению стилистических особенностей письма рукописей того времени, иными словами, более строгой палеографической оценке последних.

Литературные свидетельства о приемах работы, инструментарии и утвари писцов конца VIII—XI в. весьма скупы. Но можно составить определенное представление о технике письма того времени на основе памятников изобразительного искусства, воплотивших образ пишущего человека. Раннесредневековая иконография писцов до сих пор не была в должной мере изучена историками письма. Для нашего исследования заново собран материал многочисленных изображений. Предварительной его оценке посвящена отдельная статья,¹ и ныне мы будем опираться на сделанные в ней заключения.

Произведениями мастеров раннего средневековья для нас освещаются важные стороны работы писцов конца VIII—XI в., а именно: каким образом в процессе письма писцы располагали писчий материал; как писцы держали орудие письма; какое положение при письме имели предплечье и кисть правой руки писца.

В публикуемой части исследования мы рассмотрим все данные о положении писчего материала при письме, выяснив поочередно: в каком виде употребляли в процессе письма писчий материал и как от этого зависели приемы работы писцов; какого рода предметы использовали в качестве опоры для писчего материала, иными словами, на какой плоскости располагали его; как клали писчий материал на этой плоскости. Основное внимание уделим практике переписчиков книг.

Средневековые книги — пергаменные кодексы — состоят из переплетенных вместе отдельных тетрадей, в каждой из которых обычно насчитывается 4 согнутых вдвойне листа. Переписчики книг начинали писать, имея перед собой уже в определенном порядке сложенную и разлинованную тетрадь, листы которой были

¹ См.: Мажуга В. И. Изображение писцов в искусстве раннего средневековья (конец VIII—XI в.). — Вспомогат. истор. дисциплины, XI. Л., 1979. — Сверх названных в ней групп изображений (см. с. 266), мы будем привлекать данные западноевропейской книжной миниатюры XII—XV вв. (далее при ссылках на эту статью мы будем указывать том сборника и страницы прямо в тексте).

скреплены тем или иным способом. Бельгийский ученый Л. Жилиссен показал, что тетрадь размером in 8° в преобладающем числе случаев делалась путем троекратного перегибания одного большого листа пергамента; тетрадь in 4° получали из двух больших листов. Судя по наблюдениям этого исследователя, писцы нередко разрезали листы тетради по мере продвижения в работе, исписав уже какую-то часть тетради.²

В трудах палеографов последних десятилетий можно встретить и совсем иные ответы на вопрос о том, в каком виде переписчики книг употребляли в процессе письма писчий материал. Например, А. Ден предположил, что переписчики книг писали, как правило, на отдельных «двойных» листах.³ Довольно своеобразно представил работу средневековых писцов Л. Жилиссен. При изучении рукописных книг он обратил внимание на то, что листы в тетрадях обычно бывают сложены в том порядке, в каком перегибался большой лист пергамента, употребленный для изготовления тетради или ее части. Жилиссен находит одно возможное объяснение сохранению такого расположения листов тетради на протяжении всей работы по созданию рукописи.

По существовавшему в средневековье обычаю, полагает Жилиссен, большой лист пергамента сгибали первоначально лишь для того, чтобы разметить страницы и строки на страницах: проколы заостренным предметом, посредством которых размечались строки, делали сразу в толще нескольких листов, точно так же с помощью тупого ножа линовали одновременно два листа тетради и более. Затем лист полностью разворачивали, и писец писал в разных его частях; и только после того, как текст был уже написан, лист вновь складывали в тетрадь и разрезали. К этой мысли Жилиссен пришел, обратив внимание на неразрезанные рукописные листы такого рода, сохранившиеся до наших дней от XV в. Однако доводы Жилиссена в пользу его догадки малоубедительны.⁴ В известных нам памятниках изобразительного искусства подобный способ работы писцов не запечатлен.

Жилиссен ничего не говорит об обычае переписчиков книг скреплять листы тетради тем или иным способом на время работы. Судя по всему, в своих догадках оба названных автора — Ден и Жилиссен — упустили из виду собранные предшествую-

² Gilissen L. *Prolégomènes à la codicologie*. Gand, 1977, p. 114—115, 118—121.

³ Dain A. *Les manuscrits*. Paris, 1964, p. 31.

⁴ Среди приведенных Жилиссеном примеров полностью исписанных, но не разрезанных листов нет ни одного надежно датированного временем, предшествующим началу книгопечатания (Gilissen L. 1) *Prolégomènes...*, p. 114—121; 2) *La composition des cahiers. Le pliage du parchemin et l'imposition*. — *Scriptorium*, 1972, XXVI, p. 22—26), по-видимому, все они объясняются влиянием практики печатников. Правда, один пример он относит ко времени около 1100 г., но в данном случае два «двойных» листа тетради остались неразрезанными лишь на ее сгибе, поэтому пример в счет не идет.

щими поколениями палеографов литературные свидетельства о действительной практике средневековых писцов.

Например, в конце XII в. англосаксонский писатель Александр Неккам (1157—1217) в сочинении «*De nominibus utensilium*» (О названиях предметов обихода и принадлежностей ремесел и культа) следующим образом наставлял того, кто будет писать: «И должна у него быть тетрадь... Пусть листы (тетради) будут скреплены как сверху, так и внизу лентой или с помощью подвески».⁵ О том, что писали именно в тетрадях и что строки линовались в уже сложенных тетрадях (*in quaternis scribendis*), среди прочих авторов говорит писатель второй половины XIII в. Конрад из Муре.⁶

Изображения писцов замечательным образом дополняют эти свидетельства в отношении рассматриваемого нами более раннего периода (конца VIII—XI в.). Так, на воспроизведенной здесь костяной пластине, изображающей, возможно, каролингский скрипторий (исполненная около 980 г., пластина повторяет оригинал IX в.), показаны два монаха, которые разлиновывают уже согнутые листы тетради (рис. 1). На миниатюрах книги евангельских чтений, созданной в XI в. либо в Херефорде (Средняя Англия), либо в Кентербери, на сгибах тетрадей или кодексов, в которых пишут евангелисты, сверху и внизу изображены кружки, вероятнее всего, видимая зрителю часть приспособления для скрепления отдельных листов.⁷

Первое впечатление от раннесредневековых изображений писцов может разочаровать исследователя. Персонажи изобразительного искусства конца VIII—XI в. пишут чаще всего в виде переплетенных кодексов, нередко в длинных античного вида свитках. Эти кодексы или свитки обычно в той или иной мере обращены к зрителю. Но некоторые мастера раннего средневековья отказывались от такого условного изображения пишущих персонажей. Порою на миниатюрах (в одном случае на рисунке пером) евангелисты записывают свои свидетельства в коротких свитках, по виду напоминающих грамоты раннего средневековья;

⁵ «Assit etiam (W ei) quaternus (quaer) ... Cidula (Wcedula) (agniz, Wagnice) sive appendice tam in superiori parte quam inferiori folia habeat conjuncta» (Scheler A. *Trois traités de lexicographie latine du XIIe et du XIIIe s.* — *Jahrbuch für romanische und englische Literatur*, 1866, Bd. VII, S. 167). (В скобках даны пояснения средневекового англо-нормандского глоссатора и предваряемые буквой W варианты из другого списка). На некоторых миниатюрах XIV—XV в. показано, как на наклонной поверхности того или иного устройства для письма листы тетради прижимаются шнурами, на концах которых повисают круглые металлические бляхи. Возможно, такое приспособление и обозначено в трактате Неккама словом *appendix*. На изображениях позднего средневековья запечатлены и другие способы скрепления листов тетради.

⁶ Rockinger L. *Briefsteller und Formelbücher*, Abt. I. München, 1863, S. 439.

⁷ Millar E. G. *La miniature anglaise du Xe au XIIIe s.* Paris, 1926 (далее — Millar), pl. 30.

эти свитки не всегда имеют правильную форму, строки располагаются поперек свитка (см. рис. 2). В других случаях и рядовые писцы, и авторы по всем признакам пишут в тонких тетрадах.

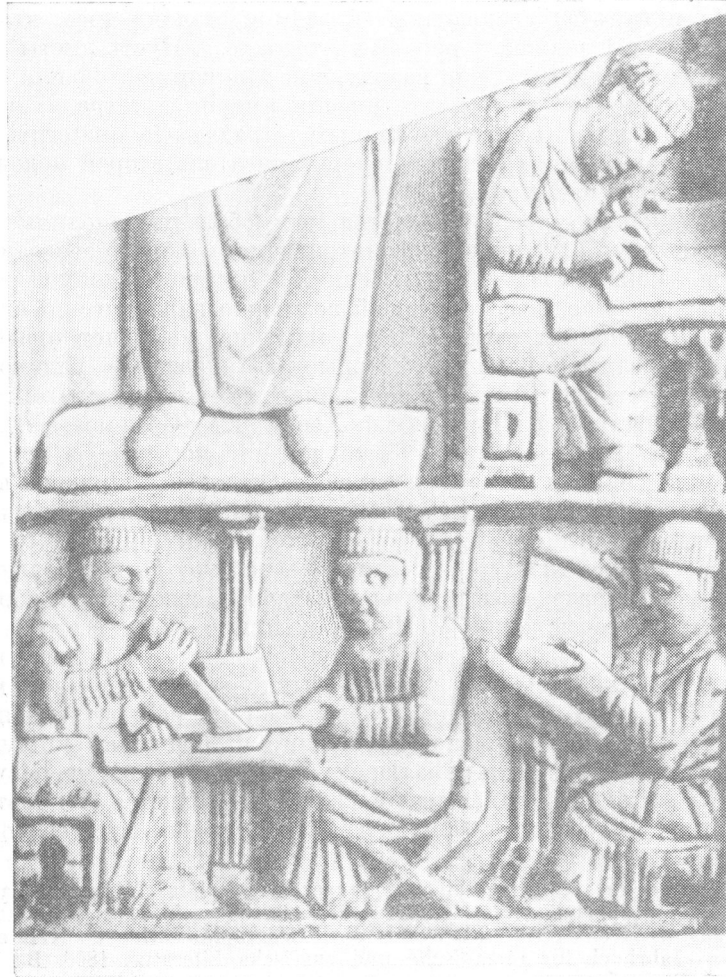

Рис. 1. Раннесредневековый скрипторий. Ок. 980 г. Мец (?). Кость. (Пластина погибла во время второй мировой войны, находилась в Немецком музее в Берлине).

Иногда перед пишущим, насколько можно судить, изображается один несогнутый лист.

В отношении немалого числа изображений трудно решить, изобразил мастер книгу или же тетрадь. Но и по изображениям

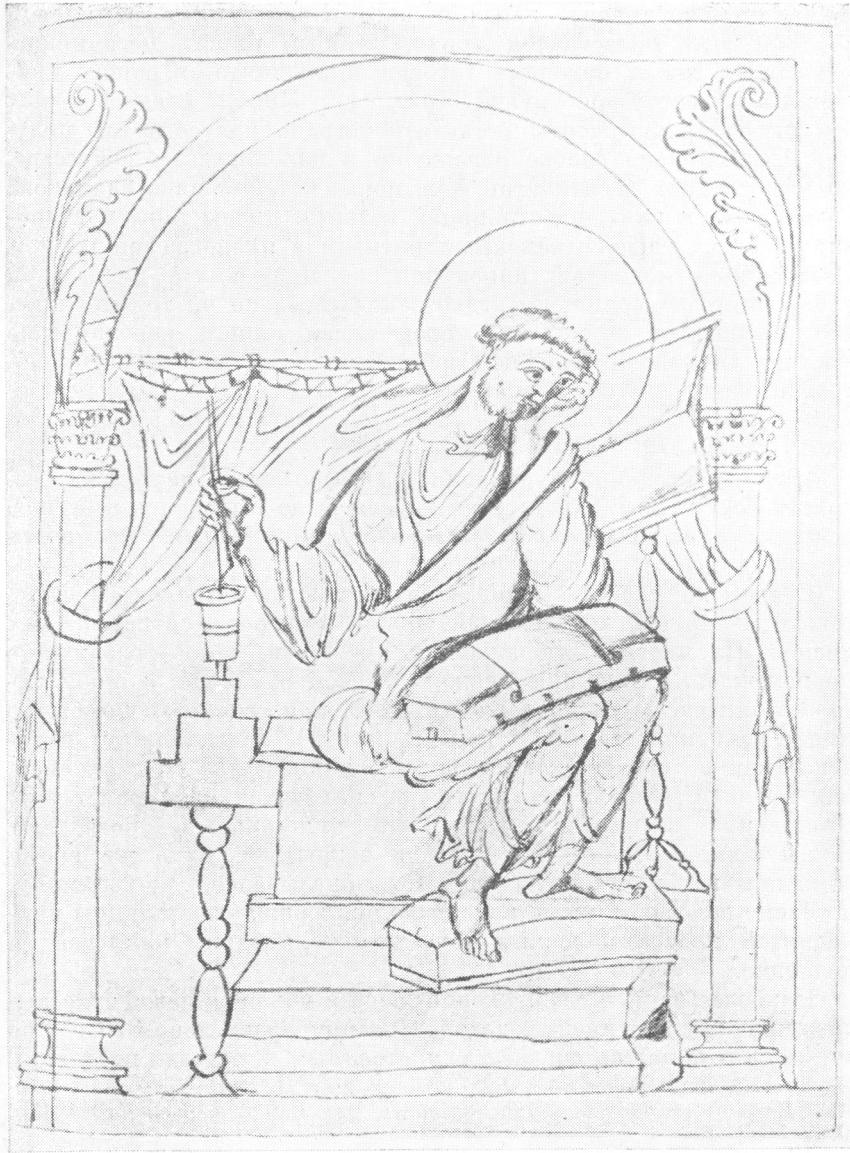

Рис. 2. Евангелист Матфей. IX в. Вельтенбург (?) (Wien. Nationalbibliothek, Cod. 1234, fol. 14v).

с книгой можно представить, как писцы обращались с пергаменной тетрадью. На упомянутой костяной пластине с изображением, условно говоря, каролингского скриптория в ее правом верхнем углу представлен монах, который пишет, несомненно, в тетради; левая половина тетради приподнята, и монах придерживает ее левой рукой (рис. 1). Прием средневековых писцов во время работы оставлять тетрадь полусогнутой получил сравнительно слабое отражение в каролингском искусстве. Но с последних десятилетий X в. показ в таком виде одинаково и тетрадей, и книг, на страницах которых писцы пишут, становится весьма распространенным мотивом в иконографии писцов. Возможно, отмеченный прием широко применялся писцами и в каролингское время, но редко запечатлевался по той причине, что, изображая книгу, в которой пищик пишет, каролингские мастера следовали еще непосредственно тем образцам иконографии евангелистов, на которых раскрытая книга демонстрировалась зрителю, но акт писания в этой книге не был изображен (см. т. XI, с. 279—280, 284—285).

По-видимому, прием объясняется упругостью пергамента: однажды согнутые листы тетради трудно было выровнять на сгибе, а чтобы они не слишком выгибались, приходилось оставлять тетрадь в полусогнутом виде.

С этим же свойством пергаменных листов тетради, вероятно, связан и другой любопытный прием в работе средневековых писцов. На многих изображениях X—XI вв. самого различного происхождения пишущие держат в левой руке нож, концом которого они касаются поверхности листа или свитка (нож обычно имеет на конце выемку и как бы загнут).⁸ Когда пишут в кодексе или в тетради, кончик ножа соприкасается со страницей, как правило, близ сгиба, иногда он находится на самом сгибе: естественно возникает мысль, что пишущие не позволяют таким образом книге или тетради закрыться, в то же время оставляя их полусогнутыми. Нож оказывался, по-видимому, особенно полезным, когда надо было придерживать страницы приподнятой правой половины тетради при писании на левой ее половине.⁹

Наиболее раннее изображение писца с ножом в левой руке, выполненное на континенте, датировано приблизительно 870 г.,¹⁰ но оно остается, можно сказать, единственным вплоть до последних

⁸ Нож такого же вида употреблялся для чинки перьев (cf. Millar, pl. 30 b, d).

⁹ Подобным же образом одно из таких изображений (Millar, pl. 30 d) объяснил швейцарский палеограф Фёрстер (Foerster H. Abriss der lateinischen Paläographie. Bern, 1949, S. 62).

¹⁰ Это изображение является частью золотого рельефа, украшающего оклад известного мюнхенского «Золотого кодекса» из монастыря св. Эммерамма в Регенсбурге; хорошее воспроизведение в кн.: Braun Jos. Meisterwerke der deutschen Goldschmiedekunst der vorgotischen Zeit, I Teil. München, 1922, Abb. 6.

десятилетия X в.,¹¹ когда такие изображения вдруг появляются в большом числе. Примечательное исключение составляют островные миниатюры (одна ирландская и две англосаксонские), созданные еще во второй половине VIII в.¹² Мы почти не имеем изображений, выполненных в островных мастерских IX—первой половины X в.; изображения конца X в. повторяли главным образом произведения мастеров каролингской Галлии. Когда с начала XI в. вновь по-настоящему развилось самостоятельное творчество англосаксонских мастеров, нож в левой руке стал непременной деталью островной иконографии писцов. Возможно, употребление перочинного ножа для придерживания страниц пергаменной тетради пошло от островных писцов, роль которых в судьбах континентальных скрипториев была исключительно велика в раннем средневековье. Как показывают многие десятки изображений, у континентальных писцов первоначально господствовал другой обычай: при письме они брали в левую руку рог с чернилами.¹³ Изображение чернильницы в левой руке пишущего совершенно не характерно для островной иконографии писцов.

Изображения писцов конца VIII—XI в. показывают два основных вида опоры для пергаменной тетради: при письме писцы кладут тетрадь либо на приспособление, которое пишущий в сидячем положении подпирает коленями и которое в наиболее простом варианте имеет вид обыкновенной доски, либо они кладут тетрадь на наклонную поверхность отдельно стоящего пюпитра.

Практика писания на горизонтальной поверхности стола не получила заметного отражения в искусстве раннего средневековья. Лишь одно изображение более или менее определенно свидетельствует о писании на подставках с горизонтальной столешницей, имевшем место в раннем средневековье. На миниатюре, выполненной около 820 г. в парижском аббатстве Сен-Жермен-де-Пре (на основе более раннего итальянского прототипа), в облике писца изображен праведник, о котором говорится в 36 (37-м) псалме; раскрытая книга, в которой он пишет, лежит на особом устройстве с горизонтальной столешницей и пол-

¹¹ Имеется еще одна костяная пластина, датированная началом X в., но ее датировка, как признает сам публикатор, весьма приблизительна: Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen, Bd. 1—4. Berlin, 1914—1926, Bd. 1, Abb. 172, S. 84.

¹² Zimmermann E. H. Vorkarolingische Miniaturen. Berlin, 1916, Mappe 3, Taf. 191 b; Mappe 4, Taf. 313 a, 314 b.

¹³ Судя по отдельным изображениям, писцы могли придерживать страницы раскрытой тетради концом изогнутого рога, как это они делали (правда, с большим удобством) при помощи ножа. Любопытно, однако, что все известные нам изображения такого рода относятся ко времени не ранее XI в. Cf.: Goldschmidt A. Deutsche Buchmalerei, Bd. I—II. Florenz—München, 1922—1928. Bd. II, Taf. 93, 94 b.

кой сбоку на более низком уровне по правую руку пишущего.¹⁴ Этому устройству недостает только чернильницы, которая бы явилась для нас лишним свидетельством его действительного назначения. Другие изображения столов и иного вида предметов с горизонтальной поверхностью по существу ничего нам не дают, так как с их толкованием связаны большие сомнения.

Есть основания полагать, что небольшие столы и тумбы с горизонтальным верхом изображены на ряде миниатюр лишь как подставки для книги, демонстрируемой зрителю. Как особый пример можно указать миниатюру последней четверти X в. с изображением анонимного для нас автора жития св. Маргариты.¹⁵ Автор, представленный фронтально, опускает перо в чернильницу, укрепленную на отдельной подставке справа от него; слева от автора показан в $\frac{3}{4}$ стол с раскрытой книгой или тетрадь. Стол высок, но столешница его невелика; четыре ножки скреплены вверху и внизу горизонтальными перекладинами, такой стол в иконографии писцов больше нигде не встречается, очевидно, подобные столы художник видел в жизни. Но трудно решить, действительно ли на таких столах писали, так как миниатюра в целом повторяет характерную для иконографии евангелистов композицию, в которой изображение подставки для книги во всех случаях сопряжено с нарочитым показом книги зрителю (ср. т. XI, с. 277—278, рис. 1).

На других миниатюрах в качестве подставок для книги, в которой изображаемое лицо пишет, дважды показаны небольшие столы на одной ножке¹⁶ и многократно высокие узкие тумбы. По всей вероятности, художники здесь по-новому воплотили мотив показа раскрытой книги зрителю, используя для этого столики и тумбы, на которых в прототипах данных миниатюр располагались различные письменные принадлежности (см. т. XI, с. 284). Заметим, что на отдельных изображениях евангелисты даже поставили свои книги на тумбы вертикально.¹⁷

Переносные приспособления для письма, которые средневековые писцы в сидячем положении клали на колени, не имеют своего общепринятого названия. Палеограф прошлого столетия

¹⁴ Metzger B. M. When did scribes begin to use writing desks. — Akten des XI. internationalen Byzantinistenkongresses. München, 1958, Pl. XLVIII, 2.

¹⁵ Das erste Jahrtausend. Kunst und Kultur im werdenden Abendland an Rhein und Ruhr. Tafelband. Hrsg. von V. H. Elbern. Düsseldorf, 1962 (далее — Elbern), 434.

¹⁶ Koehler W. Die karolingischen Miniaturen, II. Die Hofschule des Karls des Grossen. Berlin, 1958, Taf. 83; Goldschmidt A. Deutsche Buchmalerei, Bd. I, Taf. 65. — Возможно, на второй миниатюре изображен не стол, а пюпитр, обращенный прямо к зрителю.

¹⁷ Koehler W. Die karolingischen Miniaturen, I. Die Schule von Tours. Die Bilder. Berlin, 1930, Taf. 24 a—b, 25 b.

Клементе Лупи привел наименование небольших ящичков с наклонным верхом, которые носили при себе итальянские нотариусы для записей прямо на улице; такие ящички для письменных принадлежностей, служившие вместе с тем опорой для писчего материала, назывались *prospere*.¹⁸ Воспользуемся этим термином.

В нашем распоряжении есть 16 изображений писцов, пишущих на «проспере»; они относятся ко второй половине VIII—XI в. Число это сравнительно невелико, однако следует иметь в виду, что иконография писцов, которую разрабатывали мастера ведущих художественных школ, определялась изображениями евангелистов, пишущих в кодексах и античного вида свитках: разумеется, было излишним изображать на «проспере» переплетенный кодекс или эффектно, чуть ли не по всей его длине развернутый античный свиток. Очевидно, не случайно большинство изображений с «просперой» происходит из периферийных мастерских, деятельность которых была в меньшей мере связана господствующими иконографическими традициями.

На «проспере» писали либо уже в древности, либо ее применение в более позднее время было определенным усовершенствованием древнего способа письма, при котором колени писца служили необходимой опорой для папирусного свитка. Как и античные писцы, пишущие на «проспере» персонажи средневекового искусства ставят ноги на небольшую скамейку (*scabellum*), «чтобы крепче сидеть» (*ut firmius sedeat*), сказано о таком писце в одном из списков трактата Александра Неккама.¹⁹ Э. Лен решил, что «проспера» служила только для беглых записей.²⁰ Однако более тщательное изучение всех свидетельств о писании на «проспере» убеждает в том, что в рассматриваемый период «проспера» широко употреблялась переписчиками книг.

«Проспера» чаще всего имеет вид простой прямоугольной доски, иногда ее форма приближается к овалу (см. рис. 2); на англосаксонской миниатюре второй половины VIII в. «проспере» придана форма полукруга, прямой стороной обращенного к пишущему.²¹ В ряде случаев изображено устройство из двух досок, расположенных одна над другой с промежутком между ними и соединенных разного вида перемычками. Нередко «проспера» бывает снабжена чернильницей (на одной «проспере» укреплены даже 2 чернильницы); как правило, чернильница изображается в форме рога, вставленного в отверстие, проделанное на краю «просперы» справа от писца.

На знакомой нам уже костяной пластине с изображением раннесредневекового скриптория пишущий монах поместил тет-

¹⁸ Lupi C. *Manuale di paleografia delle carte*. Firenze, 1875, p. 75—76.

¹⁹ Scheler A. *Trois traités...*, S. 163.

²⁰ Lesne E. *Les livres, scriptoria et bibliothèques du commencement du VIIIe à la fin du XIe s.* Lille, 1938, p. 323.

²¹ Zimmermann E. H. *Vorkarolingische Miniaturen*, Mappe 4, Taf. 313 a.

радь на «просперу», опертую спереди на скульптурную подставку (рис. 1). Некоторый наклон «просперы» в сторону писца и то обстоятельство, что на коленях монахов, разлиновывающих пергаменную тетрадь, которые представлены в нижней левой части пластины, изображена доска такого же вида, как у пишущего монаха, достаточно ясно показывают, что последний поместил свою тетрадь именно на «просперу», а не на стол. Вероятно, переписчики книг довольно часто использовали такого рода подпоры для большей устойчивости «просперы», особенно когда ее размеры были значительны, а также для придания нужного наклона поверхности «просперы».

В конце XII в. в упомянутом выше трактате «De nominibus utensilium» Александр Неккам описал обычное для того времени устройство для письма. Это описание является лишним свидетельством о том, сколь употребительна была «проспера» в раннем средневековье, и одновременно подкрепляет наше предположение об использовании писцами раннего средневековья разного рода подпор для «просперы». Александр Неккам давал такой совет собирающимся писать: «Пусть человек, который будет писать, сядет в кресло с приподнятыми поручнями с обеих сторон, подпирающими „плутей“, или, иначе говоря, доску».²² Это устройство, несомненно, происходит от переносной «просперы», а не от стола или пюпитра.

Рекомендуемое Александром Неккамом устройство для письма употреблялось уже в XI в., но, вероятно, еще не потеряло своей новизны для континентальных писцов (островные писцы могли опережать их техническими новинками). Об этом заставляет думать рассказ о скриптории монастыря св. Мартина в Турне (во Фландрии) на рубеже XI—XII вв. Герман Турнейский, автор истории этого монастыря (ум. около 1147 г.), сообщает, что при аббате Одоне (1092—1105) в скриптории обыкновенно можно было видеть 12 молодых монахов, сидящих в креслах (*in cathedris*) и безмолвно пишущих «на досках, с тщанием и искусно устроенных» (*super tabulas diligenter et artificiose compositas*).²³

²² «Scripturus autem in cathedra sedeat, ansis (braz, W braces) utrinque elevatis, pluteum (carole) sive asserem sustinentibus...» (Scheler A. *Trois traités...*, S. 167). Слово «pluteus» в значении доски, на которой пишут, не встречается у других средневековых писателей. В данном значении оно приведено в средневековых глоссариях начиная со словаря лексикографа XI в. Паппаса; возможно, в них повторено позднеантичное ошибочное толкование сатиры Персия (Lambertz. *Pluteus*. — RE, 41. Hbd (1951), col. 987).

²³ MGH. SS 14, 313. — Употребленное наряду со словом *tabula* (доска) слово *cathedra* (кресло) особенно определенно свидетельствует, что Герман Турнейский имел в виду то устройство для письма, которое позднее описал Александр Неккам. Как указывал в свое время В. Ваттенбах, от устройства в виде доски, укрепленной на поручнях кресла, пошло средневековое обозначение профессиональных писцов, работавших на заказ, — *cathedrales* (от *cathedra*) или в немецкой форме *Stuhlschreiber* (cf.: Wattenbach W. *Das Schriftwesen im Mittelalter*. Leipzig, 1896, S. 271).

Судя по известным нам изображениям, тетрадь на «просперах» раннего средневековья оказывалась в невысоком горизонтальном или слегка наклонном положении.²⁴ На неоднократно упоминавшейся костяной пластине второй половины X в. наряду с пишущим на «проспере» монахом представлен монах, читающий за пюпитром; незначительный наклон «просперы» как бы подчеркнут наклоном примерно в 35° доски пюпитра для чтения (рис. 1).

Однако с течением времени низкое, близкое к горизонтальному положение тетради на «проспере» перестало удовлетворять переписчиков книг. На миниатюре второй половины XI в. изображена «проспера», устроенная из 2 досок таким образом, что верхняя ее плоскость получила наклон около 30°.²⁵ Похоже, что на одной английской миниатюре XI в. вместо обычного пюпитра художник изобразил подобную «просперу» как бы на столике на одной ножке, верхняя часть которого скрыта покрывалом.²⁶

В устройстве для письма, описание которого дает Александр Неккам, поручни сидения тоже должны были служить наклонному и, вероятно, более или менее высокому положению доски, на которой помещалась тетрадь. Именно так могут быть поняты слова «ansis utrinque elevatis» («с приподнятыми поручнями с обеих сторон»), что подтверждается изображениями XII в. подобных устройств для письма с приподнятыми в сторону от спинки кресла поручнями.²⁷ По наблюдениям А. Мартена (преимущественно над миниатюрами XII—XV вв.), для средневековья была наиболее типична фигура писца, пишущего именно на таком устройстве с наклонной доской, позади которой (т. е. дальше от писца) устанавливался пюпитр (на нем помещался, очевидно, текст, переписываемый писцом).²⁸ Кстати упомянуть, что этот ученый, судя по его словам, просмотрел тысячи изображений писцов, и его наблюдения заслуживают полного доверия.²⁹

²⁴ От VI в. до наших дней сохранился пюпитр для чтения со значительно наклоненной доской (почти на 20°), который устанавливался на столе (предание приписывает пюпитр св. Радегунде, умершей в 587 г.). О. фон Фальке счел его приспособлением для письма, опираемым на колени, т. е. «просперой» (Falke O., von. *Deutsche Möbel des Mittelalters und der Renaissance*. Stuttgart, 1924, S. XX, 29); однако он не принял во внимание, в частности, то, что украшенная глубокой резьбой поверхность пюпитра мало пригодна для письма.

²⁵ Bange E. F. *Eine bayerische Malerschule*. München, 1923, Abb. 59. — Ср. изображение начала XII в. с такой же просперой: Bloch P., Schnitzler H. *Die ottonische Kölner Malerschule II*. Textbd. Düsseldorf, 1970, Abb. 604.

²⁶ Millar, pl. 30 b.

²⁷ Dodwell C. R. *The Canterbury school of illumination, 1066—1200*. Cambridge, 1954, pl. 33 b; *Byzance et la France médiévale*. Paris, 1958, pl. XXXII.

²⁸ Martin H. *Notes sur les écrivains au travail*. — In: *Mélanges offerts à M. Emile Châtelain*. Paris, 1910, p. 540.

²⁹ С ними совпадают заключения О. фон Фальке (Falke O., von. *Deutsche Möbel...*, S. XL—XLI).

Писание на наклонной плоскости было уже в обычае у переписчиков книг XI в. Такая наклонная плоскость создавалась с помощью целого ряда различных приспособлений, но главным из них, пожалуй, было то, которое впоследствии рекомендовал Александр Неккам. Свидетельство этому мы находим в анонимном трактате о средствах скрепления красок «De clarea», написанном, как показывают исследования, в XI в.³⁰ Употребляя то самое слово *carola*, которым англо-нормандский глоссатор пояснял слово «плутей» (т. е. обозначение доски для письма, опертой на поручни кресла) в упомянутом сочинении Александра Неккама (см. с. 306), автор трактата предостерегал художников, иллюстрировавших рукописи: «„Карола“ же или какое-либо другое приспособление, на котором пишут, пусть не будет наклонена слишком круто».³¹ Не есть ли это предостережение знак того, что в XI в. наклон плоскости, на которой располагалась тетрадь, еще не вполне определился равно у художников и у писцов, что, говоря иными словами, происходившие здесь пермены в XI в. еще не завершились?

Перейдем к изображениям писцов, пишущих на пюпитре. Пюпитр в качестве подставки для книги или тетради, в которой писец пишет, является самым обычным предметом в иконографии писцов уже в начале рассматриваемого периода; можно привести до трех десятков изображений конца VIII—IX в. с таким пюпитром. Со второй половины X в. мы наблюдаем, как в общем числе изображений евангелистов увеличивается число пишущих на пюпитре. Основываясь на изображениях писцов, американский ученый Б. М. Метцгер высказал утверждение, что в VIII—IX вв. и тем более в X—XI вв. пюпитры для письма (*writing desks*) наряду с письменным столом уже довольно широко употреблялись как западноевропейскими, так и византийскими писцами.³² Однако более внимательное рассмотрение изображений вызывает у нас сомнения в правильности этого утверждения.

Наличие пюпитра в раннесредневековых изображениях писцов, по-видимому, целиком связано с установившейся в иконографии евангелистов традицией демонстрировать зрителю раскрытую на пюпитре книгу с евангельским текстом. Это главным образом пюпитр для чтения (собственно аналой).³³ Есть основания предполагать, что в прототипах произведений каролингских мастеров пюпитр был изображен только как подставка для книги, демонстрируемой зрителю, и лишь позднее книга на пю-

³⁰ Thompson D. V. The De clarea of the so-called «Anonymus Bernensis». — Technical Studies in the Field of the Fine Arts, vol. I, 1932—1933, p. 10.

³¹ «Carola etenim sive aliud (scribitur) aliquod instrumentum super quod scribitur non sit opido arduum» (Thompson D. V. The De clarea... p. 76).

³² Metzger B. M. When did scribes... p. 362.

³³ Это мнение уже было высказано в кн.: Kreisel H. Die Kunst der deutschen Möbel, Bd. I. München, 1968, S. 8.

пюпитре стала служить для изображения процесса письма (см. т. XI, с. 282—284). Ближайшие предшественники каролингских мастеров или они сами объединили в одной композиции простейшим для себя способом два разных, но одинаково важных мотива — мотив писания и мотив показа раскрытой книги зрителю, при этом, очевидно, они мало смущались тем, что пюпитр, частично или полностью обращенный к зрителю, оказывался отвернутым от пишущего. Данная композиция могла возникнуть в том случае, когда один из этих мотивов впервые вводился в изображения определенного иконографического типа. Вполне возможно, что она получалась и путем, так сказать, стяжения прежней композиции (книга на пюпитре с книгой на коленях пишущего евангелиста). Примеры композиции с двумя книгами встречаются среди византийских миниатюр X в., отразивших предшествовавший каролингскому этап в развитии иконографии евангелистов, и среди близких им по типу каролингских миниатюр.³⁴

Пюпитр для чтения в его чистом виде представлен на многих изображениях конца VIII—XI в. Облик древнейшего пюпитра для чтения с устройством для крепления свитков сохранила для нас миниатюра IX в. в рукописи того же времени, известной как Евангелие из монастыря св. Фрамбальда в Санлисе.³⁵ На двух рисунках пером середины IX в. пюпитр с книгой изображен рядом с фигурой писца с проспекой на коленях (см. рис. 2).³⁶ Композиция с двумя книгами — на пюпитре и на коленях пишущего или приостановившего писание евангелиста — богато разработана на миниатюрах реймской школы (середины IX в.).

На изображениях повторяются большей частью одни и те же декоративные формы пюпитров: обычно столешница этих пюпитров поддерживается одной ножкой, нередко украшенной листьями аканфа. Но на отдельных изображениях представлены пюпитры более основательного вида; каждый из них, как правило, встречается один раз, и можно думать, что изобразившие их мастера видели подобные пюпитры в жизни. На трех миниатюрах, одна из которых исполнена в конце VIII в. в Северной Италии, в Вероне, а две другие в первой половине X в. в Прирейнской Германии, вероятно в Майнце, а также на костяной пластине, созданной в последней четверти X в. на Востоке современной Франции, в Меце,³⁷ изображены пюпитры на четырех ножках, различные по виду. Такие пюпитры могли быть вполне пригодны

³⁴ Cf.: Boinet A. La miniature carolingienne. Paris, 1913, pl. 84 a; Elbern, 232.

³⁵ Boinet A. La miniature... pl. 82 a.

³⁶ Второе изображение см.: Elbern, 276.

³⁷ Belting H. Probleme der Kunstgeschichte Italiens im Frühmittelalter. — Frühmittelalterliche Studien, I, 1967, Taf. XXII, Abb. 63; Baron E. Mainzer Buchmalerei in karolingischer und frühottonischer Zeit. — Jahrbuch für Kunstwissenschaft, 1930, Taf. IV, I; Merton A. Die Buchmalerei in St. Gallen vom 9. bis 11. Jahrhundert. Leipzig, 1923, Taf.; cf.: Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen..., Bd. I, Abb. 122.

для работы писца: они устойчивы по своей конструкции, их столешница достаточно велика даже на изображениях. Тем не менее не исключено, что и в данном случае перед нами лишь пюпитры для чтения.

На всех четырех изображениях пюпитры лишены чернильницы; на веронской миниатюре пишущий Амвросий Медиоланский держит рог с чернилами в левой руке, оперев локоть на колено. Не свидетельствует ли этот широко распространенный прием средневековых писцов о том, что до определенного времени устройства для письма с прочной неподвижной опорой у них отсутствовали и по этой причине надежнее было взять чернильницу в руку?³⁸ На одной из (условно говоря) майнцских миниатюр повторен уже знакомый нам фронтальный тип евангелиста, опускающего перо в чернильницу; как и на других подобных изображениях, чернильница помещена на отдельной особой подставке, пюпитр же, по-видимому, служит только для демонстрации книги.³⁹ Форма пюпитра, изображенного на костяной пластине, повторена на другой костяной пластине того же мастера, но на этот раз пюпитр показан как аналог рядом с фигурой благославляющего епископа.⁴⁰

При всех сомнениях в отношении большинства изображений писцов, пишущих на пюпитре, все же можно думать, что уже в раннем средневековье вошел в употребление настоящий пюпитр для письма. Достаточно определенные свидетельства об имевшей тогда место практике писания на наклонной поверхности пюпитра более чем скупы, тем не менее эта практика как-то отразилась в располагаемом нами изобразительном материале.

На одной испанской миниатюре середины X в. изображены внутренние помещения монастыря Тавара (на северо-западе Испании), в частности, показан монастырский скрипторий в виде террасы на уровне второго этажа, где видны 3 фигуры: человек, режущий лист ножницами, другой — с циркулем в правой руке и с листом в левой и писец.⁴¹ Последний пишет на пюпитре, придерживая на его наклонной столешнице с помощью ножа (см. выше) лист или тетрадь. Опора доски пюпитра передана в виде двух ножек, соединенных между собой крест-накрест (очевидно, надо представлять, что вторая пара ножек скрыта от зрителя); с противоположной зрителю стороны пюпитр снабжен горизонтальной полкой, которая приходится примерно по сере-

³⁸ Античные писцы, писавшие в свитке, располагая его поперек колен, помещали чернильницу перед собой на небольшой стол или шкафчик, но в средневековье это стало неудобным, так как размеры пергаментной тетради часто значительно превышали ширину древнего свитка.

³⁹ Merton A. Die Buchmalerei... I. с. — Вполне вероятно, что с этой же целью изображен пюпитр и на второй майнцской миниатюре: евангелист на ней тоже представлен фронтально и руку с пером удалил от книги на пюпитре, стоящем слева от него.

⁴⁰ Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen..., Bd. I, Abb. 120.

⁴¹ Gilissen L. Prolégomènes..., на обложке.

дине его, наклонной столешницы. По-видимому, в обстановке скриптории X в. художник изобразил именно пюпитр для письма.

Пюпитры на четырех и даже на шести ножках, снабженные чернильницей, изображены на трех костяных пластинах, созданных на рубеже XI—XII вв. предположительно в Прирейнской Германии; чернильница имеет вид рога, вставленного в отверстие, проделанное у верхнего края наклонной доски пюпитра.⁴²

Однако в иконографии писцов и наличие чернильницы на пюпитре не всегда свидетельствует о том, что перед нами пюпитр для письма. Со второй половины X в. чернильница в форме рога, укрепленная на доске пюпитра (как правило, в ее правом верхнем углу), становится обычной деталью иконографии писцов. Между тем на изображениях воспроизводились все те же формы пюпитров на одной ножке и при всех видоизменениях, которые с ними происходили, обычно видна их связь с образцами каролингского искусства. Тем не менее то обстоятельство, что до середины X в. ни на одном изображении мы не встречаем чернильницы, укрепленной на доске пюпитра, а затем очень скоро такая чернильница становится обычной подробностью изображений писцов, не лишено значения для нашего исследования.

Эта перемена в иконографии писцов естественно связывается с другим, уже отмеченным выше явлением. Именно с середины X в. появляются в большом числе изображения писцов с ножом в левой руке, загнутым концом которого они придерживают исписываемые ими страницы раскрытой тетради или книги. Напомним, что в каролингское время очень часто в левой руке писцов изображался рог с чернилами, немало таких изображений было создано и в X—XI вв. Можно сказать, что в иконографии писцов одна, более древняя, деталь начала понемногу вытесняться другой, появившейся позднее: в XI в. нож в левой руке писцов изображался уже заметно чаще, нежели рог, а в XII в. нож в левой руке стал почти такой же неотъемлемой принадлежностью пишущего, как само перо — в правой. Это наблюдение приводит к мысли, что именно в рассматриваемый период в западноевропейских скрипториях получили по-настоящему широкое распространение устройства для письма с неподвижно укрепленной столешницей, так что теперь смело можно было оставлять рог с чернилами в отверстии, проделанном в этой столешнице. Таково было устройство, рекомендуемое Александром Неккамом; такого рода устройством оказывалась и «проспера» из двух досок с наклонной верхней плоскостью, когда писец ставил «просперу» на стол; очевидно, к числу этих устройств мы должны отнести и пюпитры на ножках, специально предназначавшиеся для письма.

---

⁴² Goldschmidt A. Die Elfenbeinskulpturen..., Bd. II, Abb. 164a; Bd. III, Abb. 94—95.

Несмотря на то что на изображениях форма писчего материала и вид опоры, на которой он покоится, как мы установили, чаще всего не соответствует реальной практике средневековых писцов, все же нормальное для писцов конца VIII—XI в. положение тетради по отношению к краям той плоскости, на которой ее располагали, рисуется с достаточной определенностью. Наибольшего внимания заслуживают изображения писцов с «просперой», так как не приходится сомневаться в том, что, изображая этот предмет, средневековые мастера передавали свои представления о работе современных им писцов. Настоящую пергаменную тетрадь мы видим на «проспере» у монаха на воспроизведенной здесь костяной пластине (рис. 1), у Тита, ученика ап. Павла, посланного им в Коринф, который представлен корреспондентом апостола,⁴³ у писца бл. Иеронима;⁴⁴ именно тетрадь, как можно думать, изображена на «проспере» и у двух евангелистов.⁴⁵ На четырех изображениях через «просперу» перекинут короткий свиток, причем таким образом, чтобы писец мог расположить строки поперек свитка (см. рис. 2);⁴⁶ очевидно, по этим изображениям можно судить, как писались средневековые грамоты. И тетради, и свитки всюду лежат прямо перед пишущим и лишь незначительно бывают повернуты в ту или в другую сторону. Рассматривая все множество известных нам раннесредневековых изображений писцов, мы убеждаемся, что именно так писцы конца VIII—XI в. располагали перед собой пергаменную тетрадь. Среди изученных нами изображений нет таких, которые бы определенно свидетельствовали об обратном.

Итак, наиболее важный вывод, к которому мы пришли в своем исследовании, состоит в следующем. В начале рассмотренного периода (конец VIII—XI в.), если не во всех, то в очень многих западноевропейских скрипториях, оставался в силе древний способ письма на невысокой горизонтальной или немного наклонной поверхности, причем в качестве опоры для пергаменной тетради использовались главным образом доски, лежавшие на коленях, которые мы определили как «просперы»; но с течением времени переписчики книг стали отдавать все большее предпочтение писанию на повышенной поверхности со значительным наклоном, и этот способ письма, связанный с применением ряда особых устройств, возобладал уже в XI в.

⁴³ Elbern, 276.

⁴⁴ Bloch P., Schnitzler H. Die ottonische..., Fig. 652.

⁴⁵ Porcher J. L'enluminure française. Paris, 1959, p. 14, Fig. 8; Rice D. T. English Art, 871—1100. Oxford, 1952, Pl. 77 b.

⁴⁶ Другие изображения: Zimmermann E. H. Die Fuldaer Buchmalerei in karolingischer und ottonischer Zeit. — Kunstgeschichtliches Jahrbuch der k. k. Zentralkommission, Bd. IV, 1910, Taf. XI, a—b; Bange E. F. Eine bayerische..., l. c.